ИГОРЬ ЧИННОВ

КОМПОЗИЦИЯ

ПЯТАЯ КНИГА СТИХОВ

РИФМА / ПАРИЖ

ИГОРЬ ЧИННОВ

КОМПОЗИЦИЯ

ПЯТАЯ КНИГА СТИХОВ

РИФМА / ПАРИЖ

Книги стихов того же автора:

МОНОЛОГ, изд-во Рифма, Париж, 1950

ЛИНИИ, изд-во Рифма, Париж, 1960

МЕТАФОРЫ, издание Нового Журнала, Нью-Йорк, 1968

ПАРТИТУРА, издание Нового Журнала, Нью-Йорк, 1970

В эту книгу включены шестьдесят три моих новых стихотворения и тридцать девять из моего первого сборника «Монолог», вышедшего больше двадцати лет тому назад (они отмечены буквой М; некоторые в новой редакции).

Нескольким стихотворениям предпосланы эпиграфы, выполняющие функцию как бы прожекторов. Часть эпиграфов — из иностранных поэтов. Они даны в подлинниках, мои очень несовершенные переводы приводятся на стр. 123.

И. Ч.

ГАЛЛЮЦИНАЦИИ И АЛЛИТЕРАЦИИ

Может быть, оба мы будем в аду.
Чертик, зеленый, как какаду,
Скажет: «Вы курите? Кукареку.
А где ваши куррикулум вите? Угу.
Садитесь оба на сковороду.
Не беспокоит? Кра-кра, ку-ку.»

Жариться жарко в жиру и в жару.
Чертик-кузнечик, черт-кенгуру,
Не смейте прыгать на сковороду.
Мы хотим одни играть в чехарду.
«Ква-ква, кви про кво, киш-миш, в дыру.»

Кикиморы, шишиморы, бросьте смешки,
Шшш! Не шуршите вы про наши грешки.
В шипящем котле сидит Кикапу,
А мы — мы обманем эту толпу,
Этих чертей, зверей, упырей,
Мы полетим над синью морей,
Мы будем вдвоем играть в снежки —

О, снег для твоей обгорелой руки!

В стране Шлараффенла́нд,
В заоблачной стране Шлараффенла́нд
Зоолог и турист Каннитферштáн
(Из Копенгагена) зашел в кафешантан,
Но оказалось, это крематорий.

Он был рассеян и себя позволил сжечь,
Развеял пепел и сказал: берите!
И скоро заблудился в лабиринте
Лабораторий мировой истории
И ночи, где на дне Левиафан
Мычал и бегали хамелеоны
(Краснея, голубея, зеленея).

Там в обществе кентавров, минотавров,
Реакторов, министров, минометов
Каннитферштан сидит и пьет манхэттен
И смотрит, как в аквариуме черном
Химеры, великаны-тараканы
На Гулливера квакают, квакваны.

Woher, wohin —, nicht Nacht, nicht Morgen,
kein Evoë, kein Requiem

Gottfried Benn

«Ирония судьбы». Смертельное ранение иронией.
Хо-хо! И мертвый расхохочется.
Не плачь — и рана не беда, не тронь ее,
Не плачь, молчи, не обращай внимания,
Мне расхотелось жить, тебе расхочется.

Ты «сел не в тот вагон». И я. («Бывают недоразумения»,
Сказал верблюд, слезая с утки).
Была зима, снега. Ночные тени я
Пытался разогнать иронией,
И пили мы вторые сутки.

Мы опоздали, навсегда. Не опозорены,
Но всё пропало, всё пропало.
«Ирония судьбы». Судьба, мы ранены иронией.
Мы сброшены с пути, как поезд взорванный
У обгорелого вокзала.

Пример предустановленной гармонии:
Новорожденный стал новопреставленным.

Пустой собор. Не кашляй. Отпевание.
На мраморе надгробное рыдание
(Последнее, немое целование...).
Пойдем к цветам, у гробика расставленным.

К слепому личику, косому лучику?
Но в лучшем из миров всегда все к лучшему...
Он умирал без боли, без сознания.

...На кладбище: имеет ли значение
Высоко в небе смутное свечение?

...Те бронзовые розы на распятии,
Те отблески на обелиске. Снятие
С креста. И грусть, и жалость, и апатия.

Темные водоросли предвесенней ночи,
Темные лепестки ночной души пустынного мира.
Но уже возникает над бесшумным садом
Серое пламя.

Пепельные кораллы предрассветного часа,
Серая лава небытия, молчанья, забвенья.
Но уже на туманном пепелище жизни —
Голос из пепла.

Что же, плыви, уплывай, саркофаг ночного покоя,
Медленный катафалк безмолвных бессонниц.
Снова — влачить на плечах тяжелую ношу дневного
Скорбного скарба.
Снова — встречать на пути огромные скорбные камни
Вечных Сизифов.

Лунная ива в снегу —
Белая арфа.
Мертвый лежал — ни гу-гу —
В бледном безлюдии парка.

Тени к убийце ползли
(В липкое влипли).
Так далеко от земли
Тлело Созвездие Лиры.

Небо, сапфирный престол,
Звездные сонмы.
В парке убийца прошел,
В лунные снежные сосны.

Что же! Не ох и не ах:
Струны и гимны.
Что там! На лунных снегах
Многие гибли.
Звуки порхали: бах-бах,
Точно колибри.

Мертвый пейзаж на Луне —
Вариант омертвелой печали.
Сколько вариантов печали
(И смерти) известно мне?

Что там было, в язвах Луны?
Варианты чумы и проказы?
(Ах, сердце, ну что тебе фазы
Той прокаженной Луны?)

Есть варианты и здесь —
Эмфизема, саркома, склерозы.
Вариантов множество есть.
Но горы, озера и розы
Нам радуют сердце здесь.

А впрочем, зигзаги гор —
Больничная кардиограмма.
И сердце — хлам среди хлама,
И Смерть, Непрекрасная Дама,
Нисходит с безлунных гор.

И яблоко, по зрелом размышлении,
По ветке чиркнув, быстро стукнулось —
Свидетельство закона тяготения.

И черный кот поймал мышонка белого,
С ним поиграл, а после съел его —
Закон единства противоположностей.

И там, где спорили две точки (зрения),
Прямая (фронтовая) линия
Была, увы, кратчайшим расстоянием.

Потом разрушили до основания
Два города в весенней зелени
(Закон достаточного основания).

И солнце в море опустилось весело,
Теряя в весе столько, сколько весила
Им вытесненная купальщица.

Жил на свете таракан,
Таракан от детства,
И потом попал в стакан,
Полный мухоедства.
Капитан Лебядкин

« И срублен ты, как маков цвет, под коре-
» нь, на жизненном пути, в житейском море.
» Метался, как подкошенный, как вко-
» как вкопанный, убит безжалостной руко-

» й, как прошлогодний снег. Бесстрастная луна
» увидела, как во-царилась тишина,
» ти-ши, ши-ши, ши-на . . . И ты, увы,
» как все,
» в моги-
ле-
ле-
ле-
жишь, как белка в колесе,

» как лист перед травой, как клетка в птичке —
» как птичка в клетке, клетке-невеличке,
» и ниже, ниже, эх, травы, тра-тра, тра-тра,
» травы. »

Далекий лед, далекий дымный день.
Над миром облако висело.
И фосфор жег сердца людей.

Бежали тени, в небе гналась тень.
На дереве висело тело.
И мать вела чужих детей.

Ложился желтый свет на жесткий снег.
Был красный след на белом свете.
Был черный след еще ясней.

Был черный лед, я видел снег во сне.
Был темный дым над миром этим.
Был дом, горевший в тишине.

Шиндра шиндара,
Транду трандара,
Фар, фар, фар, фар, фар, фар, фар, фар, ферт.
Александр Сумароков

Случайно случившийся случай. В тиски
Тебя схватили за жабры.
Всё мелочи, глупости, всё пустяки:
Детали абракадабры.

Да, в Тарара-Бумбии нашей — ребят
Жуют без соли убийцы.
Затарара-бумбили, милый, тебя
Та-ра, тарара-бумбийцы.

О, всё перемелется! Видишь — опять
Зима, а за ней что? Осень?
Давайте считать, что дважды два пять,
Точнее, семь или восемь.

Петух возвещает, чуть свет,
Что ночь позади;
Кукушка — что столько-то лет
Еще впереди.

Куку или кукареку —
Значенье одно:
Что сыплется (будь начеку!)
Струею зерно.

Ты знаешь, есть птица одна,
Она не поет:
Лишь время, как семя, она
Неслышно клюет. [М]

Мертвый вялый туман,
кокон печали и скуки,
серый огромный кокон,
где стынет личинка рассвета,
куколка полдня.

Что делать, если душа
молчала так долго,
что на губах ее сплел
паук паутину?

Что делать, если сердце молчит
мертвой трихиной?

Там поют гиены и павлины,
Ходят по долинам золотым,
И слетает к лилиям долины
Бывший демон — серафим.

Нежатся с акулами святые,
Грешники сыграли с Богом в мяч.
Примеряет нимбы золотые
В ризе розовой палач.

Ангел ведьме наливает: пейте!
Светится добром бокал вина.
И осанну засвистел на флейте
Белоснежный Сатана.

Радуются ангельские рати:
Тишь да гладь, да Божья благодать.
Мы туда, любезнейший читатель,
Киселя пойдем хлебать.

Питекантропы в Пинакотеке,
Оранг-утаны в Оранжери.
Дух птеродактиля в человеке:
Гиббон в геликоптере, смотри.

А там, в реакторах, изотоп
Урана, гелия. Снова — опыт.
Смотри: Акрополь, питекантроп,
Летающий ящер, темный робот.

Реакторы, роботы. Не дразни
Горилл, мандрилов, крокодилов.
Плутон, Урания. Мы в тени
Их страшных царств, их царств немилых.

И скоро в ракете астронавта
Уже троглодит взлетит несытый.
И скоро увидят следопыты
Плезиозавра, бронтозавра.
Уран, плутоний. И троглодиты.
И термоящерное завтра.

По листьям, по мокнущей груде,
В дождливой ночной тишине
Шагая... А помнишь — и люди
Лежали, вот так, на войне.

А помнишь? — Не стоит, не надо:
К чему? Никому не помочь.
И память, как шум листопада
В глухую осеннюю ночь. [М]

From little womb eke to little tomb.
In the name of the Great Whale, then,
Be hale and whole! Amen.
Lawrence Durrell

Вот, живешь: суета, нищета.
Только тщетно считаешь счета,
Только видишь, что сумма не та ;

А умрешь — темнота, немота,
И такая, мой друг, пустота,
Будто ночью под аркой моста.

Ни людей. Ни чертей. Ни черта. [M]

Кабак, завод, тюрьма, больница,
И даже — кладбище вблизи.
Нет, этот городок не снится,
Не чудится. И по грязи

Идут под барабан солдаты
(Казарма — за углом сейчас).
Они ни в чем не виноваты,
Но их убьют. Иль, в добрый час,

Они других убьют. Трезвонит
Звонарь над лучшим из миров,
И так невозмутимо гонит
Хозяин на убой — коров,

Быков, телят — не все равно ли?
...Скажи мне, что вокруг светло,
Что там, на солнечном престоле,
Не Зло, и всё — добро зело! [М]

В углу, где муха, от стены
Кой-где отпала штукатурка,
И пятна плесени видны.
А я гляжу и вижу турка
В высокой феске, на коне,
Кривой залив, луну над мысом.
Я пятна на сырой стене
Каким-то наделяю смыслом.

А в окнах тает полутьма
И возникает панорама:
Там — тучи, площади, дома,
Зеленобурый купол храма,

Пятно расплывчатой зари,
Сырая празелень и гнилость.
Всё — пятна плесени. Смотри:
И штукатурка отвалилась. [М]

Таракан Тараканий Великий, властелин пауков и
[лемуров,
Шел войной на лангуста Лангуста, властелина
[мокриц и мандрилов.
Над рядами кротов или крабов сто вампиров
[топорщились хмуро.
Рассветало. Был снег на равнинах. И сердце томилось.

Тараканий, шевеля усами, осуждал теорию квантов.
Лангуст, шевеля усами, поучал, что важней —
[квакванты.
О, как трудно дышать! Сколопендры в темнеющем небе.
Густо падает снег. Чье-то сердце лежит на сугробе.

Уже уносило в жерло расширяющейся Вселенной,
В черной пустоте кружило Таракана, Тамерлана,
[Лангуста, Ксеркса.
В конусе небытия Тарантул вращался, пленный.
Два огненных дикобраза вертелись, грызясь из-за
[сердца.

Только мы отдыхали одни в отвратительном царстве
[Эринний.
И на сомкнутых веках твоих были пепел, и слезы,
[и — иней.

Ну и ну, ну и дела, как сажа бела, трала-лала.
А ночь светла, а коза ушла, эх, бутылочка по
[жилочкам по-те-кла.

Ушла коза от козла. Ушла. Куда? В Усть-сы-сольск.
Не в Усть-сы-сольск, так в Соль-выче-годск.

Ау, моя коза. Чепуха хандра. Ха-ха, ха-ха.
[Эх, гали-мать-я.
А ну и луна же. Во всю луна. Хандрит она, что
[она одна?

Сто грамм забытья. Двести грамм забытья.
Хотите вина, мадам Луна?

Там Близнецы. Там Козерог. С козой, без козы?
[Там Водолей.
Налей, налей, бокалы полней, козу вините в
[смерти моей.

Ну и тишина. Нальем Близнецам.
Нынче здесь, а завтра — тамтам.

Ночью мост рабочие чинили,
Чтобы мчались по мосту скорей
Деловитые автомобили
Важных, обеспеченных людей —
И другие, всяческих мастей,

Например: тюремный (черный, зычный,
Ваше охраняющий добро),
Быстренький, назойливый — больничный,
Или — тот, умеренно трагичный,
Скучный — похоронного бюро.

«Всё прекрасно». — Первый сорт. Отлично.
В общем — Абсолютное Добро? [М]

Le songe Herr Traum survint avec sa sœur Frau Sorge
Guillaume Apollinaire

Ночами едет сквозь зыбкий сон
За тенью клячи — тень телеги,
И тени ворон со всех сторон
В лучах луны, в налетевшем снеге.

Как будто душу мою везут
В страну теней, больных видений.
Змеиную тень бросает кнут,
Возница сам — не бросает тени . . .

Пожалуй это и наяву
Меня везут, и страшно ехать,
И я напрасно тебя зову,
И голос твой — неживое эхо. [M]

Мальчик бился над задачей,
Верил, что найдет ответ,
Не мирился с неудачей —
А в задаче смысла нет.

От других отнять — и что же?
Общий жребий разделить:
Состояние умножить,
Да и голову сложить . . .

Уравнений интересных,
Мальчик, больше не решай:
Слишком много неизвестных —
Счастье, истина, душа . . .

Ничего не надо больше,
И не всё ль тебе равно,
Что поменьше, что побольше,
Что равно, чему равно . . .   [M]

На остров Цитеру. Выпьем в пути.
Ну что? Цикута в бокале?
И горький миндаль. Миндаль? Почти
Цианистый калий.

Да нет уж, — хватит яда в крови:
Ее не раз отравляли
Остатки надежд, крупицы любви,
Сухие кристаллы печали.

А в печени камень. Осадки души
В таком, ха-ха, минерале.
А где самородок счастья? Ши-ши.
В Австралии. На Урале.

«Житейское море» катит куски —
Янтарь? Едва ли, едва ли.
Обломки желаний, сгустки тоски.
Мелочь. Детали.

Дни мои, бедная горсточка риса...
Быстро клюет их серая птица.
Мелкий стеклярус кустов барбариса
К позднему утру весь испарится.

Осень. Валяется блеклая слива
В грязных остатках бывшего ливня.
Как ей в грязи тускловатой тоскливо!
Если б могла — она бы завыла.

Ну, а солдатом (а пули-то низко)
В луже валяться? Страшно и слизко.
В черном болоте, как черная крыса...

Дни мои, бедная горсточка риса.

А ты размениваешься на мелочь,
На пустяки, по пустякам,
И головнёй дымится тусклый светоч,
Который мог светить векам.

Ну, что же: невезенье, омерзенье
И муха бьется об окно,
Опять попытка самосохраненья,
Хотя, казалось бы — смешно.

О, позабудь житейский хамский хай
И стань сама свободой и покоем.
Ты мелкая? Не льешься через край?
Но — расцвети, белей, благоухай,
Душа, не будь лакеем, будь левкоем.

Consume my heart away; sick with desire
And fastened to a dying animal
It knows not what it is

W. B. Yeats

Живу, увы, в страдательном залоге
(«Бессмертья, может быть, залог»?).
Не жизнь — смесь тревоги и — изжоги,
Туманный яд, холодный «смог».

Да, да, сегодня красная погода,
Да, презеленая, отстань.
Делишки и делишечки, простуда,
Больная, сломанная тень.

Но — русские авоси да небоси,
Всё — ничегошеньки, пройдет.
Сереет небо, холодеет осень.
А скоро — иней, скоро — лед.

. . . Кто смотрит? Искупитель? Искуситель?
Неясный нимб . . . Да нет — луна . . .
И не о чем, и незачем, простите . . .
«Луна — бледна». «Весна — красна».

Немного рыбы и немного соли
На медленном огне — какая скука!
Живая рыба корчилась от боли,
Старуха злилась, плакала от лука,

Над луком, над стручком засохшим перца,
Багровым, как запекшаяся рана,
Морщинистым, как маленькое сердце,
Увядшее у газового крана

От жара, холода и равнодушья:
Сухое сердце той, худой, убогой,
Открывшей, словно рыба, от удушья
Бескровный рот и поминавшей Бога . . .

А дальше что? Что Бог — благой и кроткий,
Что грешников поджаривают черти,
Что в тишине чадит на сковородке
Немного жизни и немного смерти. [M]

Бывает, поддашься болезни,
Так долго в больнице лежишь
И просишь здоровья и жизни,
И вот, на рассвете, сквозь тишь —

Как будто бы голос далекий
(Не знаю, не спрашивай, чей)
Такой отзывается мукой —
Страшнее больничных ночей...

И скорбью, и болью о мире
(Ты смотришь, платок теребя)
Иное, нездешнее горе,
Как счастьем, пронзает тебя...

О чем ты? — Лицо исказилось,
И жилка дрожит на губе.
Напрасно тебе показалось,
Что кто-то ответил тебе. [M]

um das herz wölbt sich ein singender himmel
doch seinen liedern dürfen wir nicht glauben
Hans Arp

Загуляй ты, выпей полдиковинки,
Целовать кидайся целовальничка,
Надивись на дивные штуковинки,
На девиц-красавиц балаганчика!
Барабанщики там и бубенчики,
А на лбу серебряные венчики.

Суматошливо-то, скоморошливо,
Без горючих слез, пляша-играючи,
И ни будущего, и ни прошлого,
О, голубушки мои, не знаю, чьи,
Было давеча, стало нонече.
Пляшут ангелы, скинув онучи!

О, немножечко хоть, Боже наш, немножечко —
Ах, да что же, мужичку уже неможется.
Хоть машинка заливается натужная,
Да слезинка наливается жемчужная:
Где ж ты, нежная царица Шамаханская?
Эх ты, жизнь, как говорится, арестантская!

Да, расчудесно, распрекрасно, распрелестно,
Разудивительно, развосхитительно,
Разобаятельно, разобольстительно,
Не говори, что разочаровательно.

Но как же с тем, что по ветру развеяно,
Разломано, разбито, разбазарено,
Разорено, на мелочи разменяно,
Разгромлено, растоптано, раздавлено?

Да, как же с тем, кого под корень резали,
С тем, у кого расстреляны родители,
Кого растерли, под орех разделали,
Раздели и разули, разобидели?

Помню изгородь, помню жимолость,
На крыльце серебристую изморозь,
А на окнах — морозную живопись.

Это память плющем цепляется,
А стена — завалилась, заляпана
Черной известью, шлаком, слякотью.

. . . Поплыли дымки — гуси-лебеди
И домашний очаг — бомбой вдребезги:
Ну, друг Иов, живи — в страхе-трепете.

Дым не хуже был, чем у Авеля . . .

О, дыхание дымного ангела
Там, где армия жгла и грабила!

Яснее с каждым годом: да, провал
Смешных попыток, тягостных стараний.
Быть может, рок нам счастье обещал,
Но, кажется, не сдержит обещаний.

Так в незнакомом тесном ресторане
Вдруг видишь, в зеркалах, просторный зал,
Идешь — и убеждаешься в обмане:
Все те же люди, тот же тесный зал
На ледяной поверхности зеркал. [М]

Обожжены, обнажены, обижены
Края души — и вот, о смысле жизни,
О том, что мы искажены, обезображены,
Что жизнь порою хуже казни — —
И черт хихикнул: «Это наши козни,

Мон шер, о богословской сей материи
С вопросами соваться к Небу
Смешно: шарады, фокусы и ребусы.
К ним комментарий крематорий.
Всё просто потому, что потому
Оканчивается, окунчивается на у».

бросаясь за вертлявым пикадором
Николай Асеев

По сумрачно-желтой арене бессмысленно скачет —
Ну, что, обреченный, израненный, черный, священный?
О, взлеты пурпурных плащей над твоей незадачей
И свет золотого камзола (и точность движений).

О, смерть в розовато-сиреневых ярких чулках
И яркие синие туфли — и точность их шага —
За желтой изнанкой плащей — золоченый рукав.
И вот уже кончено, бедный — последняя шпага.

Так жалко упал на пятнистую охру земли.
Как лилии, стрелы росли из кровавого бока.
За хвост привязали и стремительно поволокли —
Поспешно, позорно, — позорно, поспешно, жестоко.

А впрочем, к чему красноречие? Двадцать минут
Тобой занимались, тебе оказали внимание.
Зачем обижаться? Другие и хуже умрут.
А я — поживу. До последнего, брат, издыхания.

Была вечеринка в аду. И с бутылочкой рома
Склонялся Иуда к чертёнку с лицом херувима.
И Каин скучал подле черной диавольской кухни.
«Святому Георгию» пели драконы Эй ухнем
И демоны выли Те Деум средь гама и дыма.

И серые тени змеились у лодки Харона,
И теням туманным показывал фокусы Хронос,
И чья-то душа, разжиревшая черная такса,
В зеркальной стене отражаясь, прилипла к паркету.

И мы танцевали на темных волнах Флегетона,
И черный оркестр погружался в мерцание Стикса,
Огромные люстры летели в застывшую Лету.
Все, кажется, ждали Христа. Нет, конечно, не ждали.

Акакий Акакиевич,
шинель — «тово»!
Петрович покачивает
седой головой.

Во граде Петровом
черный утюг.
Петрович, Петрович,
шинель — тю-тю!
Навек тю-тю, навсегда тю-тю!
О, если бы чудо — я чуда хочу!

Ворона покаркивает.
Могила. Снег.
Акакий Акакиевич,
шинель — шут с ней!

Не стоит искать, тосковать, бунтовать:
в обитель небесную мчится кровать.
В сиянье и славу, в парчу и виссон
Акакий Акакиевич облачен.

А если и нет — и тогда не беда:
над ним лебеда, под ним вода.
«Энергия — в материю!» Всё физика, да.
Копил, копил, сукно купил. Конец, господа.

ЭЛЕГОИДИЛЛИИ

Ветер воспоминаний тревожит увядшие письма,
На острове воспоминаний шумят сухие деревья.
Призракам, старым, не спится в небесной гостинице ночи.

Там забытое имя ложится на снег синеватою тенью
И тени веток сложились в неясную надпись. Я не знаю
Языка загробного мира. Я видел в Британском Музее
Черную египетскую птицу. Вот она – сидит неподвижно.
Желтый глаз, как маленькая луна. Она более птица,
Чем все птицы на свете.

Вечером на Гаваях я проходил между сучьев
Окаменелого леса. Было безлюдно, мне захотелось
Услышать хотя бы тик-тик моих часов. Но они
Остановились из уважения к вечности. Нет,
Я не намекаю на сердце, я говорю
О тишине бессонницы, увядших письмах.
Если зажечь их, в камине будут оранжевые бабочки,
Лазоревые бабочки, синие бабочки, черные бабочки,
Тени забытого имени, маленькие саламандры.

Нам кажется, всё ясно, очень просто:
На уличной скамейке рядом с нами
Худой старик, замученный работой,
Сидит, согнув сутуло позвоночник,
Глядит на заскорузлые ладони.

Не позвоночник, а тростник прибрежный
Сгибается; не линии ладоней,
А ветки почернелые деревьев
(На фоне желтоватого заката)
Потрескались под градом и под ветром.

Не сердце бьется, а морские волны,
Не кашель, а раскаты громовые,
И не озноб, а Млечный Путь проходит
Насквозь пронизывающей струею.

А может быть, он спит в своей постели,
С женой бранится или — сгнил в могиле. [М]

На каменном крыльце чужого дома
Бродяга пьяный разложил свой завтрак,
Весь в блеске солнца, — и разбил бутылку,
И разлилось вино, мешаясь с грязью,
По серому асфальту. И тогда

Он быстро опустился на колени,
Припал ничком — и начал пить из лужи,
Слегка блестевшей темноватым блеском,
И солнце нежно золотило лица
Торговок, насмехавшихся над ним.

Да, на коленях, как библейский странник,
Бездомный, пересохшими губами
Целуя грязь земли обетованной,
Как блудный сын, беспутный и прощенный,
Прижав лицо к сандалиям Отца . . .   [M]

Посадят ли за Божий стол? Дадут ли
Небесного вина из Божьей чаши?

Не кажется ли тебе,
что после смерти
мы будем жить
где-то на окраине Альдебарана
или в столице
Страны Семи Измерений?

Истлеет Вселенная,
а мы будем жить
где-то недалеко от Вселенной,
гуляя, как ни в чем не бывало,
по светлому берегу Вечности.

И когда Смерть
в платье из розовой антиматерии,
скучая от безделья,
подойдет к нам опять,
мы скажем: прелестное платье!
Где вы купили его?

Я слышал где-то анекдот:
Спешит по делу пешеход
Весенним полднем городским.
А некто семенит за ним
И говорит, неясно, в нос:
— Простите. Маленький вопрос:
Вы верите, хоть иногда,
В загробный мир, скажите, да? —
И ждет. И, получив в ответ
Слегка рассеянное «нет»,
Бормочет грустно: очень жаль! —
И закрутившись, как спираль,
И делаясь совсем сквозным,
Рассеивается, как дым.

Ну, вот и всё. А если вдруг
Ты скажешь, поглядев вокруг,
Что ты не веришь в этот мир,
То мир уйдет, как дым, в эфир? [М]

Вот, опять вдали кряхтенье
Жабы. Жабе не до сна.
Верно, в прежнем воплощенье
Соловьем была она.

Вот, кряхтит в ночном просторе.
Непонятна речь ее.
Чтó — выплакивает горе,
Горе личное свое?

Или — заразилась тоже
Темной скорбью мировой?
Или не сказать не может,
Что приятно быть живой?

Или, словно белый лебедь,
Плачет, покидая свет?
Или бредит (как не бредить?)
Тем, чего на свете нет? [М]

Он тоже один исходил
Глухие, туманные дали.
Но если он их разбудил . . .
Но если они отвечали . . .

Но если, в молчанье полей,
В тревоге, в тоске промедленья,
Быть может, услышал Орфей
Ответ, и призыв, и томленье . . .

И длятся ночные мечты:
Как будто скала раскололась,
Как будто услышал и ты
Дрожащий, надтреснутый голос,

Надрывный, прерывистый звук,
Призывные, слабые крики . . .
Светает. Как тихо вокруг.
Не жди, не зови Эвридики. [M]

К ночи мягче погода,
Недалеко весна.
Над трубой парохода
Невысоко — луна.

Дым нежней голубеет,
Синим кажется мост.
Искры легкие реют
Где-то около звезд.

Берег уже и тише,
Тих синеющий сквер.
А немного повыше —
Скоро музыку сфер
Мы, быть может, услышим. [М]

Так посмотришь небрежно,
И не вспомнится позже
Этот снег неизбежный,
Этот светленький дождик.

Незаметно задремлешь,
И не видел во сне бы
Оснеженную землю,
Светловатое небо.

Это радостный признак,
Это — счастье, поверьте:
Равнодушие к жизни
И предчувствие смерти. [М]

Motifs décoratifs, et non but de l'Histoire
Jules Laforgue

Черная птица на черном и снежном суку —
иероглиф печали.
Черный репейник в снегу —
идиограмма зимы.

Тени, твоя и моя, на белом сугробе —
граффити молчанья.

Треплются черные ветки кустов и деревьев.
Как беспокойна
китайская каллиграфия зимнего сада
и как беспредметна —
абстракция света и снега.

Трепещут судорожные зарницы,
И парус падает косым углом,
И свет и тень, взлетев, упав, как птицы,
Подрагивают сломанным крылом.

Протрепетал дымок — и вот, струею,
Кровавой, льется тень от фонарей.
А по реке проходит дрожь порою
И бьется парус (но слабей, слабей).

Как будто чьи-то длинные ресницы
Еще подергиваются, — пока
Вослед дымку косая тень ложится,
Густая тень сочится вдоль виска. [M]

«Мимоза вянет от мороза».
Но нет мороза. Ледоход.
Ночь, водянистая медуза,
В дождливой мозглости плывет.

И, маленькая марсианка,
Душа в земное бытие
Глядит, и мокнет перепонка
На ручке бледненькой ее.

Не плачь, душа! Гляди сквозь пальцы
(Их целых семь, как лед они)
На смутно-сумрачные улицы,
На тускло-мутные огни.

Не лучшая метаморфоза?
А в прошлой жизни разве — рай?
О, муза, не кончай рассказа!
Напомни мне! Не улетай!

Не выходи за марсианина!
С ним не дели любовь и — кров.
Звучи, мимоза, Мнемозина,
Как музыка других миров.

Душехранилище хоронят.
Из трупных аминокислот
Тюльпан с огнем росы в короне
Над гробом душным прорастет.

Не хромосомы — хризантемы.
А в небе горы, тень вершин.
И в том краю, где будем все мы,
Ты медленно идешь один.

Преображен, неузнаваем,
Не помня боли и тревог,
Ночным или вечерним раем
Проходишь молча, новичек.

Ты слышишь ангельские песни,
А мы — лишь шум недолгих дней.
Небесное тебе — небесней.
Земное нам — еще земней,

Еще больней — или милее?
Еще дороже каждый час?
Не суета, а суть . . . Аллея,
Могила. День почти погас.

Быть может . . . (Неясные звезды,
Туманный, мерцающий свет).
Быть может, ты все же услышишь
Когда-нибудь чей-то ответ:

На смутную жалобу эту,
На грусть (ни о чем, обо всем) —
Ответ, непонятно далекий,
В холодном тумане ночном. [M]

Откуда ты нисходишь, гость?
Не с тех ли пажитей, где снова,
У рек воды живой, былого
Цветёт надломленная трость!

Вячеслав Иванов

Порой замрет, сожмется сердце,
И мысли — те же всё и те:
О черной яме, «мирной смерти»,
О темноте и немоте.

И странно: смутный, тайный признак —
Какой-то луч, какой-то звук —
Нездешней, невозможной жизни
Почти улавливаешь вдруг... [М]

Наклонись над рекой, погляди:
Тень твоей головы и груди
Неподвижна, как если бы в пруд
Ты гляделся; а воды текут
Мимо тени, тебя и всего,
Мимо светлого дня твоего.

Как Ока, как Ока, как Ока!

Есть другая, другая река,
Уносящая солнечный день
И твою мимолетную тень,
И тебя, и тебя заодно
На глубокое, темное дно.   [М]

Этот мир тускловатый и тленный,
Мутный город, и ночь, и весна
Только — тени на стеклах вселенной,
Светотень на стене, не стена,
Отражение странного сна.

Но неважно. Важней, что порою
Мы, глаза прикрывая рукою
И впадая почти в забытье,
Вспоминаем и видим другое,
Необманчивое бытие.

(Да . . . А все же, читатель, не скрою:
Не мое оно — и — не твое). [М]

Опять подымается ветер,
Опять лиловеет восток,
И в сумраке еле заметен
Летящий опавший листок.

Листок за листком пролетает,
Опять начинает светать,
Опять мы встаем — и считаем,
Что всё повторится опять.

Опять мы заводим пружину
Часов на положенный срок,
Опять мы бросаем в корзину
Один календарный листок. [M]

Снова тот же ветер веет.
Да, опять начало мая.
Только — сердце вдруг мертвеет,
Что-то смутно понимая.

Снова та же птица реет.
Что там, в небе? Жизнь иная?
И душа на миг стареет,
Что-то смутно вспоминая...

Снова то же пламя тлеет.
Нет, едва ли отсвет рая.
Облако плывет, белеет,
Смутной грустью догорая. [М]

Какой глубокий, пристальный покой:
Улыбка не мелькнет, слеза не брызнет.
Задумчиво-взыскательной душой
Она такой хотела быть при жизни.

И я смотрю, какая чистота
В ее спокойном, строгом совершенстве,
И кажется, что смерть совсем проста.
А лоб под венчиком так детски женствен,

Так странно жив. Не тяжело смотреть
И пальцы тонкие не страшно трогать.
Ее черты одушевила смерть,
Нездешняя, задумчивая строгость. [М]

Стоим, молчим. Неясное мерцанье
Жемчужной ризы. Плащаница, грусть.
Быть может, нет ни райского сиянья,
Ни ада, ни чистилища (и пусть...)

Такой неясный Лик, неяркий венчик —
Но я живу совсем другой мечтой:
Сулит другое светлосерый жемчуг,
Мерцая серебристой чистотой.

Там будет утро, и роса, и слизни
На влажных листьях, серебристый дождь,
Туманный свет — нежней, чем в этой жизни —
Мерцающих, полупрозрачных рощ . . . [М]

Медленно меркнет мой путь.
Боли не выскажу людям.
Боже, я петь не могу,
Сердце смолкает мое.

Счастье мерцало и мне —
Канула капля слепая.
Слабая мгла глубока,
Рано — Смеркается — Смерть. [M]

Скучная желтеет речка,
Тусклая намокла рожь.
Все-таки — ничто не вечно,
Скоро перестанет дождь.

Мокнут над оврагом избы,
Никнет над колодцем жердь.
Что же! Даже этой жизни
Хуже, хоть немного, смерть. [М]

В ожидании окончания,
Окончания «представления»,
Ты смотрел на море вечернее,
В полутень молчанья печального?

Золотистое, серебристое
Опускается в море мглистое.
Вот была Атлантида, кажется.
Под водой она, не покажется.

Ты глядел на вазы этрусские?
Где этруски? Лишь вазы узкие.
Как, любезный друг, самочувствие?
Все умрем — этруски и русские.

Все на свете только предвестие,
Все на свете только предчувствие,
Что в холодный пласт, в струи тусклые . . .
Ну, а вазам — вроде бессмертия.
Но бессмертие это — грустное.

Лилась виолончель, как милость или чудо,
Но отравили звук усталость и простуда.

Я Пушкина читал, но голова болела,
И сладость нежная не победила тела.

Был океан, закат, но . . . ныла поясница,
И не могла душа сияньем насладиться.

О, тело смертное. Но больше не прикажет
Мне ничего оно в наджизненном пейзаже,

Где слухом неземным и зрением нездешним
Я буду жизнь ловить . . . в молчании кромешном.

А может быть — глухой — слепой — без чувств,
[без боли,
Как мертвый эмбрион в холодном алкоголе?

В Булонский лес заходишь в декабре:
Деревья в сизом, снежном серебре.

Ты видишь, в довершение картины,
Как будто наши, русские рябины.

И воробей старательно клюет,
Скача по ветке, на которой — лед.

Как будто русский, деревенский иней
На мелкой, милой, сморщенной рябине.

Ты чувствуешь, острее с году на год,
Ту горечь терпкую (холодных ягод . . .)

И — рот кривишь . . . От этого всего —
Оскомина, и больше ничего. [M]

Только ветер пролетит, пойдет широко,
Над Онегой, а потом — над Окой,

Только свет на непрозрачной тугой волне
Покачнется над ершом в глубине.

Только золотом пальнет отряд пескарей,
Только облако пойдет поскорей

Или утки к селезню подплывут.
Он блестит, зеленый — ну, изумруд!

(Сочетание в реке утиных теней
С отражениями русских церквей).

Надо бы хоть уткой туда доплыть —
Ну, да что говорить, о чем говорить!

Сказано — нет, и — сколько лет, сколько лет!
Нет и нет, а на нет — и суда нет.

Ни в коем случае, ни в коем случае,
Хотя случалось и случается,
Что сероватое, певучее
На ветке тонкой покачается —

И почему-то получается,
Что не выветривается из памяти
Тот ветер у церковной паперти.

И тополя переливаются,
Струится ива там, у Припяти,
И горе преодолевается.

Душа легко переселяется
В далекое, былое (лучшее?),
В тот полдень, выбранный из прихоти,
В лучи и тучи, в то, летучее . . .

Но всё случайно, в лучшем случае.

« Документально и фактически
» Доказано фотографически,
» Детально, дактилоскопически:
» Мы жили в Ейске, после — Витебске,
» Сидели в Полоцке и Липецке.

» Не знают в уголовном розыске,
» Что жили мы с тобою — в Божеске,
» В Богочертовске, в Новодьявольске
» (Кормились песенкой — о яблочке),

» Что распевали «Вдоль по Питерской»,
» Гуляя у снесенной Иверской,

» Что жили в Райске, Адске, Ангельске
» (Там снег белее, чем в Архангельске),
» Что спали на снегу — на Витебской —
» В Верхнеблаженске и Мучительске . . .»

But the caverns are less enchanting to the unskilled explorer
Ezra Pound

Зачем, скажи, ты терпишь холод грубый,
Не рвешь серебряную нить,
Скрипач усталый, друг печальногубый,
Кого надеешься пленить?

Кто слушает? Кто вслушается в пенье,
Поймет мелодию твою?
Один смычок целует в восхищенье
Струну, певучую струю.

Ну чтож, мечтай, что там, у страшной двери,
Где вьются тени средь теней,
Увидишь ты, как тихо внемлют звери
Жемчужной музыке твоей.

Орфея-то, признаться, растерзали . . .
Забудь — легенда, не беда.
А нас, напротив — по плечу трепали!
(И жизнь нас — потрепала, да).

« Поэты — бессмертны . . .» Светлело, неярко,
Над лондонской маленькой Мраморной Аркой.

Ты спорил о славе у края Гайд-парка,
Где Байрон — а может быть, это Петрарка?

Бессмертье поэтам? А если ни жарко,
Ни холодно им от такого подарка?

. . . Там дальше Вестминстер, аббатство, где лица
«Бессмертных» поэтов . . . Но мрамор пылится

И Шелли не видит, что — солнце, что птица
Летит над аббатством и воздух струится.

. . . А в греческой урне, любимице Китса,
Не сердце, а м е р т в о е сердце хранится.

Мы говорили о свободе воли,
О Зле и о Добре мы говорили,
О Боге, и о смерти, и о счастье
(И снежное повечерело поле).
Мы говорили об Экклезиасте,
О карме, Достоевском и Эсхиле.

Мы принимали белые пилюли,
Усталые лежали на постели.

Мы думали о том, что постарели,
Что было в жизни очень много боли.
Мы говорили . . . о свободе воли.

И доброго мы ожидали знака
От зимних звезд, от знаков Зодиака.

ПОЛУОСАННА

Неужели не стоило
Нам рождаться на свет,
Где судьба нам устроила
Этот смутный рассвет,

Где в синеющем инее
Эта сетка ветвей —
Словно тонкие линии
На ладони твоей,

Где дорожка прибрежная,
Описав полукруг,
Словно линия нежная
Жизни — кончилась вдруг,

И полоска попутная —
Слабый след на реке —
Словно линия смутная
Счастья — там, вдалеке.. [М]

Светлые белые горы —
метаморфоза музыки,
и воздух воскресного белого, снежного полдня —
прозрачный кристалл тишины.

Как много задумчивой мудрости
в снежном безветрии.
Белеют сугробы, большие аккорды покоя.
И солнце нисходит.

. . . Потом, перед самым закатом,
косые лучи, серебристые легкие флейты,
играют прелюдию вечности.

Я помню телеги в полях предвечерних
И глину дороги в возне воробьиной,
Эстонское небо, осенний орешник,

Грибы и чернику, сухой можжевельник
И мелкий ручей, серебристый, недлинный,
Сияние сосен, прямых, корабельных

И вереск, лиловый, и желтый бессмертник,
И желтый закат над эстонской равниной,
И линию лодок — вечерних, последних.

Порой, читая вслух парижским крышам
Его стихи таинственно-простые,
В печали, ночью, в дождь — мы видим, слышим
(В деревне, ночью, осенью, в России):

Живой, знакомый нам, при свечке сальной
Свои стихи, негромко, он читает,
И каждый стих, веселый и печальный,
Нас так печалит, словно утешает.

И кажется — из царскосельской урны
Прозрачная, хрустально-ключевая
Течет струя свободно и небурно,
Далеким светом сердце наполняя.

И полной грудью мы грустим — но счастьем,
Как вдохновеньем, безотчетно-мудрым
Наполнен мир, и стоит жить и, настежь
Открыв окно, дышать парижским утром. [М]

Тогда смиряется души моей тревога
Лермонтов

Особенно когда осенне-одиноко,
И облако лежит покойно и широко
У края светлого юго-востока.

Особенно когда осенне-опустело,
И озеро серей, и медленно и бело
Поднялись гуси, точки для прицела.

Особенно когда осенне-обреченно,
И озими влажны, и сизая ворона
На поределом опереньe клена.

Особенно когда совсем обыкновенно,
Едва озарено, и чисто, и смиренно,
Прозрачно и прощально, незабвенно.

Был океан лазурно-фиолетов,
И это было, может быть, ответом.

Был небосклон почти такого цвета,
Как цвет акации прохладным летом.

Переходило небо в тон опала,
И это — тоже, как-то, утешало.

Была вода в графине и бокалах
Собранием сияющих кристаллов.

Горсть виноградин, нежных изумрудин,
Как светляки, мерцала нам на блюде.

Тебе не жалко, что и мы забудем
Цвета, ненужные серьезным людям?

И мириады звезд, и мириады лет,
И тишина с небес, и серебрится свет.

И только этот мир, и только эта ночь,
Когда ручей, с горы — как замерцавший луч.

И полусвет лежит, как синеватый снег,
На темноте полей, у серебристых рек.

И озаренный мост, и почернелый холм,
И за холмом, в луче, автомобильный хлам —

Я не забуду, нет, я не хочу забыть.
Я не позволю, нет, меня навек зарыть,

Пока мерцает ночь, пока светает здесь,
Пока и тень и свет на белом свете есть.

Туманный жемчуг осенний день.
Мутна земная дребедень.

Мерцает нежная тишина,
Больного мужа бранит жена.

Серебрится дождик райски-легко,
Идет прохожий с одной рукой.

Сиренево-палевая высота.
Спешит счетовод считать счета.

И в мире бедной белиберды
Блаженно-влажные сады,

Алмазы дождя и фонарей,
Жемчужный ветер с южных морей,

В топазовом небе свет облаков,
Опалово-нежный дым над рекой.

В стакане стынет золотистый чай,
Чаинка видит золотой Китай.

Желтеет чай, как Желтая Река,
И тает сахар, словно облака.

Кружок лимона солнцем золотым
Просвечивает сквозь легчайший дым.

Легчайший пар напоминает ей
Туман прозрачный рисовых полей.

И ложечка серебряным лучом
Упала в золотистый водоем,

Где плавает чаинка, где Китай
Привиделся чаинке невзначай. [М]

Уже огороды не стоит стеречь
И сияние меркнет скорей
(И девался куда-то последний скворец).
На дубе листва продолжает стареть.
Посияй же, останься, согрей!

Мир становится сух, прозрачен и ветх.
Он уже осыпается весь
(Начиная со звезд). Недолгий век
У вселенной, у нас, у всех.
Скоро — мгла, это грустная вещь.

Да нет, я шучу. Да, дружище, я лгу.
Тошно слушать даже щеглу.
Он построил жилище, возился в углу
Мироздания, пел (о цветах на лугу) —
Что ты шамкаешь глухо про вечную мглу!?

И скворешню старик водружает на жердь
(Размышляя про жизнь и смерть).

А белая птица так низко летела
Над собственной маленькой тенью
(Сравненье: душа и бескрылое тело)
Над белым песком и над пристанью белой
В далекое то воскресенье.

И лодка, сволоченная из обломков
Далекого детства, синела
От моря и неба, легко, как соломка,
Плыла в позабытое царство ребенка,
Качалась — и странное дело:

Та лодка таинственно переплывала,
Причаливала, приземлялась,
И маленький мальчик по имени Игорь
Из давнего года, из давнего мига
На миг возникал, проясняясь.

Овальную раковину отсыкал он,
Большую, на отмели серой,
Послушал: в ней глухо звучало, дрожало,
Текло, отзывалось — невнятным сигналом —
И было похоже на сердце.

Тот берег в сиренево-серенькой пене . . .
Сияло, текло, холодело.
Из царства ребенка, из царства забвенья . . .
Как будто душа в тишине пролетела
Над собственной маленькой тенью.

В безветреных полях еще весна.
Лишь одуванчик легкий облетает.
И девочка крича бежит. Она
Его пушок прозрачный собирает.

А под вечер, еще едва видна,
Растет луна меж Марсом и Венерой,
Еще почти прозрачная луна —
Как одуванчик светловато-серый.

Давай по-детски верить, что луна —
Его душа. Быть может, вновь приснится
Нам нежная, небесная страна,
Где даже одуванчик сохранится. [М]

Am dunklem grund der ewigkeiten
Entsteigt durch mich nun dein gestirn.
Stefan George

В такой — же день, весной, с тобой вдвоем,
Впервые говоря о нашем общем,
Мы шли... А после — каждый о своем:
Я говорил, порой (бессвязно, в общем),

А ты не слушала... Но в смертный час
В непонятом, в неразделенном, в личном
Таким ненужным станет всё для нас —
Бессмысленным, бесцельным, безразличным.

И лишь одно на свете — мы вдвоем,
Совсем одни, совсем одно друг с другом,
Таким же, как сегодня, теплым днем,
И радуга непрочным полукругом
Стоит вдали... [М]

Какой неудержимый ливень!
Закрой окно. Темнеет день.
Сильнее, шире и бурливей
Кренится за стеклом сирень.

Уже кончается, скудеет
(Вся жизнь так грустно-коротка)
И капли на стекле редеют,
От сумрачного ветерка

Неудержимо исчезают.
Теперь, когда их больше нет,
Теперь — яснее проступает
За ними этот слабый свет. [М]

Солнечная зыбь на реке,
Солнечная рябь на листве.
Тени от ветвей на песке,
Стая голубей в синеве.

Рыба сторожит червяка,
Пестрая сияет река.
Тень от моего поплавка
Синью отливает слегка.

Может быть, когда я умру,
Может быть, тогда я пойму
Легкую, простую игру —
Солнце, полусвет, полутьму . . .   [M]

Гиацинтом, левкоем
Насладиться спеши
Перед вечным покоем
Для безносой души.

Нежный персик попробуй,
Он дозрел и готов,
А в раю уж не трогай
Запрещенных плодов.

Видишь, алые пятна
В нежно-бледном горят.
Там, в стране незакатной,
Не увидишь закат.

Ах! Отравленный скверной,
Под конец воспою
То, чего уж наверно
Не позволят в раю.

Знаешь, я сохраняю
собрание летних полдней,
полупрозрачных, точно стрекозы,
которые, помнишь, носились
в радостном блеске света
над яркой мелкой речкой
с белым прохладным дном.

Представь, я также храню
коллекцию летних ночей
разных оттенков синего.
Они лежат,
похожие на египетские скарабеи,
за прочным прозрачным стеклом.

Что с ними делать?
Кому я их завещаю?
Они понемногу бледнеют.
Мои гости считают,
что там, за стеклом,
пустота.

Je possède une barque détachée de tous les climats
André Breton

Играет ветер листами газеты
В твоей руке и краем программы.
Ты знала и знаешь — это приметы
Того, что ангелы рядом с нами.

Плывут по небу две бледные ленты —
Белесым дымом слова рекламы.
Они обрывки воскресной программы —
Концерта ангелов над нами.

Уже облака сияньем задеты
И светлы дали земной панорамы.
И, точно ветер, плывут силуэты
Лазурных ангелов над нами.

Играет ветер листами газеты,
Играет крыльями над нами.

В такую ночь весна не окончательна,
Но наступает несомненно.
Дождь побелен снежинкой незначительной
И кажется небесной манной.

А впрочем, ночь — почти обыкновенная.
По лужам, лунной мглой покрытым,
Шагаю. Но Земля Обетованная
Недалеко, за поворотом.

Ты думаешь, бессмертие неубедительно?
Но что же делать, что же делать?
А вот душа — задумалась мечтательно:
Надеется на Божью милость.

И человек на Бога вдруг положится:
Все просто, не непоправимо.
И замерцает мартовская лужица
Звездой далекой Вифлеема.

И с Божьим небом прежнее родство!
Константин Случевский

А помнишь детство, синий сумрак, юг,
Бессонницу и тишину — часами —
Когда казалось, будто понял вдруг,
Почти умея выразить словами —

О чем звезда мерцает до утра,
О чем вода трепещет ключевая,
О чем синеют небо и гора,
О чем шиповник пахнет, расцветая . . . [М]

Озаренное небо, и птицы летят.
Что я знаю — о жизни, о смерти, о Боге?
Что мы знаем? — Я помню такой же закат.
Помню палубу, даль, словно берег пологий...

С нами ехал ребенок, печальный, слепой
От рожденья, с бесстрастьем в невидящем взоре,
Чутко слушал... Как смутно шумит за кормой
Голубое, слепому незримое море...
(Там, где чайки качались на водном напоре). [М]

Из белой весенней ночи
Сделана ваша душа.
Она в моей отражалась,
Как маленький Млечный Путь

Туманностью Андромеды
Хотелось обеим стать.
Но кончилось тем, что стали
Души туманом ночным.

А помните, птицы летели
Сквозь души наши весной?
Сияли утро и море,
Вода становилась огнем.

Я сказал ваше имя, и в море
Вырос певучий цветок.
Я почти изобрел, я знаю,
Заменитель вечности — и

Той ночью душа светилась,
Как маленький Млечный Путь.
Я думал о белой ночи,
В которой ваша душа.

Прощайте, Кощей Кощеич!
Еще кощее Кощея
Средь пищи, вещей и чая
Пищала тощая шея,
Несчастье нам завещая.

Но светлые чародеи
Умчали нас в эмпиреи,
В лазурно-смуглый Египет
Династии Птолемеев,

В алмазный воздух Памира,
В страну Лиловых Пигмеев —
О, мы улетели в лепет
Земфиры, зефира, эфира!

На мгле, на волшебном кристалле,
На пламени мы улетали!

В лазурном и лунном небе
Нашли мы Царевну Лебедь,
Чертог изумрудной игрушки,
Прекрасной Царевны Лягушки!

Прощайте, Кощей Кощеич!
Здорово, Иван Царевич!

Арабским удивительным дворцом,
игрой узора бледно - розовато -
сиреневато - сизого, замысловатой
игрой любуясь . .
Но, усталый соглядатай,
я видел девушку с особенным лицом.

Слепая девушка ходила подле нас
с водительницей, объяснявшей очень скоро,
и осторожно трогала она
сиреневатый край узора.

Но что́ наказанная слепотой
могла узнать о нежной, о нежнейшей
утонченности той, изысканности той,
искусственности той, изнеженности той?
Был взор слепой, слепой, слепейший.

И я мечтал о том, что снидет Царь Царей
в сиянии, в алмазном свете,
что во́т — Он исцелит, что Он велит прозреть,
дабы узреть,
узреть узоры эти!

Давай походим по дивным музеям,
где пышные чаши времен Возрождения
(агат, хризолит, сердолик)
пламенеют (большие тюльпаны)
и перламутрово-переливчатая лазурь
обыкновенного египетского трехтысячелетнего стекла
похожа на вечность.

Мы тоже владеем
остатками прежнего вдохновения,
когда глядим на прекрасный каменный лик
мученика, на узорчато-золотые Кораны
или короны тиранов (следы «исторических бурь»).
Короны. Не кровь и не слезы, ни капельки зла:
алмазно-рубиновый венчик.

Мы даже прощаем злодеям
на картине (работе, быть может, не гения)
за отблеск на нежно-сиреневых складках, за светлый
[родник,
за блекло-оранжевые (с бледно-синим) кафтаны
на двух палачах, за топор, над которым лазурь,
за острую лилию — так она дивно бела! —
за венчик, за вечность.

Как большая темная миндалина,
У певицы мандолина.
И глаза — миндальнее миндального.
Музыкантша уличная, дальняя:
Флорентинка, синьорина.

И мелодия сентиментальная
Всё прозрачней и печальней,
Всё нежней, вечерней и усталее.
Всё — певица, пьяцца, вся Италия
Всё хрустальней и прощальней.

И видна — незримая — зеленая
Озаренная долина
(Не Италия, скорей Инония),
Где поет счастливая, прощенная,
Неземная Магдалина.

Удивительно, как удлинен
Голубой силуэт минарета.
О, высокий расчет и закон,
И высокое царство колонн,
И объемы из тени и света!

Золотисто-зеленая вязь
Синевато-лазурных мозаик,
А на улице мулы и грязь
(И лазурная муха впилась),
И глаза малышей-попрошаек.

Гадит голубь на пыльный порфир,
Лепестки устилают ступени.
Царство грязи и царство сирени,
И стоит гармонический мир,
Композиция света и тени.

В огромном, царственном, торжественном саду,
Склонясь к лиловому тюльпану,
К пурпурным ирисам . . . Ни про мою беду,
Ни о твоей беде — не стану.

Здесь фиолетово-сиреневый нарцисс,
Так ярко мотылек желтеет,
И солнце золотит воздушный кипарис
Геометрической аллеи.

Здесь роза клонится тяжелой желтизной,
Пион багряно-фиолетов,
И все равно, что этот пышный зной —
Над усыпальницей скелетов.

Тем более, что так недолговечно-розово
(На мимолетно-золотистом) —
Непрочным волшебством заката позднего,
Мерцанием, зелено-смутным, озера,
Лучом, разлившимся по листьям . . .

Тем более, что скоро ночь, но тем не менее
Раскрылись розы, точно от прикосновения,
В японском садике, где ручейки с пригорка.

Прохладным сном — в Японии? В Армении?
В Норвегии? — Неслышным ветром синего фиорда
(И полночь, будто синее растение) . . .

О, восхитись, хоть ими, на мгновение!
Мне захотелось не иронии, а пения,
Волшебно-дивного восторга.

Взлетали фонтаны — светлые всадники. Голубь
уселся на мраморном темени древнего грека
символом мира и Духа. Белка метнулась
вниз по стволу и лучу — вышло вроде невзрачной
[кометы
(хвост у кометы пышней, но откуда возьму я комету?)

Мальчик нагнулся и кинул в озеро камушек плоский,
который вдруг ланью запрыгал, тонуть не желая.
Собака из озера выплыла и на асфальте аллеи
следы темно-влажные лап казались цветами,
каждый в четыре, смотри, лепестка (это «счастье»?)

И ласточки ножницами живо живыми кроили
летнее небо. Ласточки, где бы найти мне
несколько слов, я хотел бы, выкроенных из лазури?

Тополь полон волненья и липа звучит, как лира.
На яблоке и на облаке ясный
Отблеск золота вечности.
Сердце, как бутон розы, раскроется скоро
От лазурной музыки мира.

Около озера ирисы, белые ибисы
(Точно маленький беленький архипелаг);
На светлом песке бело-сизый птичий помет.
А в небе жаворонок, будто якорь блаженных минут,
В светлую вечность закинутый якорь.

Ты ела изюм, золотистый, словно янтарь.
Твои зрачки были мелкие черные жемчужинки.
Завитки, как черный гиацинт, чернели над шеей.

Память! Навеки, точно голубенькая татуировка,
Знак на душе.

Нежный неясный дождь, как легкое забытье. Но уже
Полупрозрачные крылья дождя почти отшумели.
Сильный запах цветов, точно смутный настойчивый
[шопот.

Если бы эти таинственные тридцать минут
Остались в вечности (мелким жучком в янтаре),
Но нет, они пролетели неизвестно куда,
Эфемериды, метеориты, прощайте.

Какая она, огромная, темная фреска жизни?
Вместо нее — мелкие фрагменты орнамента,
А душа — душа уже вечереет.

Если бы знать химическую формулу души,
Может быть, можно было бы что-то исправить,
А так... Слушай, ты веришь
В темную мифологию счастья?

В общем, мы плохие алхимики. Все же, видишь,
[в руке у меня
Тускловатый кусок философского камня печали.

СОДЕРЖАНИЕ

ГАЛЛЮЦИНАЦИИ И АЛЛИТЕРАЦИИ

ЭЛЕГОИДИЛЛИИ

ПОЛУОСАННА

ПЕРЕВОДЫ ЭПИГРАФОВ

Стр. 13 *Куда, зачем — ни ночь, ни утро,*
ни реквием, ни эвоэ
Готтфрид Бенн

Стр. 27 *Из маленькой матки — к мелкой могилке.*
И, значит, во имя Большого Кита,
Будь жив и здоров! Аминь.
Лоренс Дюррелл

Стр. 33 *сон, мистер Сон, пришел с сестрой, синьорой Заботой*
Гийом Аполлинэр

Стр. 38 *Сожги мне сердце: утомленное желаньем,*
Оно к животному, которое умрет,
Прикреплено; оно себя не знает.
В. Б. Йетс

Стр. 41 *над сердцем купол певучего неба*
но песням небесным лучше не верить
Ганс Арп

Стр. 60 *Декоративные мотивы, а не смысл/Истории*
Жюль Лафорг

Стр. 80 *Но непосвященному меньше расскажут пещеры*
Эзра Паунд

Стр. 97 *над темной вечностью, над бездной,*
твой лик, мной вызванный, встает.
Стефан Георге

Стр. 102 *превыше земных сезонов плывет мой чёлн*
Андрэ Бретон

IGOR CHINNOV-COMPOSITION
ИЗДАТЕЛЬСТВО «РИФМА», ПАРИЖ
EDITIONS RYPHMA, PUBLISHERS
Paris, 1972

A. ROSSEELS PRINTING C°
Vaartstraat 70-72
B 3000 Louvain - Belgium

Тираж 300 экз.

Склады издания / Distributors:

A. NEIMANIS
Linprunstr. 11
8 München 2 - Germany

Victor KAMKIN, Inc.
12224 Parklawn Drive
Rockville, Maryland 20852 USA

КОМПОЗИЦИЯ